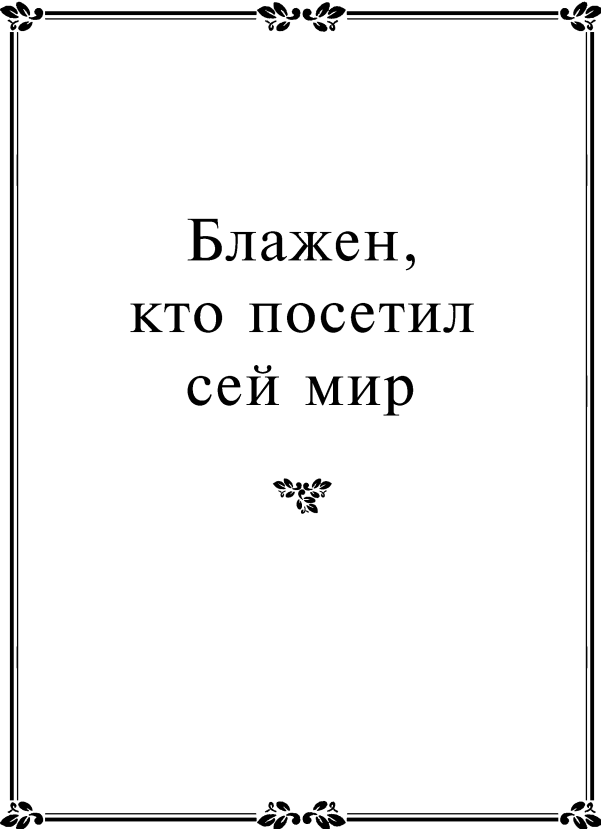

Блажен,
кто посетил
сей мир

Ф. И. Тютчев.
*Портрет маслом работы неизвестного художника.
Начало 1820-х годов.*

О Тютчеве не спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии.

И. С. Тургенев.
Из письма к А. А. Фету

К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседряющею струей,
Как пламень Божий, ниспадали
На чела бледные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!

Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

Ноябрь(?) 1820
Москва

Овгуст — родовое имение Тютчевых. Вид из окна.
*Рисунок сделан с натуры другом Тютчева поэтом
Яковом Полонским.*

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ

(Из Гейне)

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его выюга лелеет.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет, одинока...

Не ранее апреля 1823—1824
Мюнхен

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ

(Из Байрона)

Как медлит путника вниманье
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье!..

Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем друге:
«Его уж нету в нашем круге;
Но сердце здесь погребено!..»

Не позднее середины 1826

ПЕСНЯ

(Из Шекспира)

Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолев,
Бедный пахарь опочил.

Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван провещал.

Все кладбища, сей порой,
Из зияющих гробов,
В сумрак месяца сырой
Высылают мертвецов!..

Конец 20-х, начало 30-х гг.

К Н.

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог — увы! — умиловать их —
Он служит им укором безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благоденье;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне:
Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горé духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.

23 ноября 1824

ПРОБЛЕСК

Слышал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!

Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон,
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, —

И отягченную главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадем не к покою,
Но в утомительные сны.

Не позднее осени 1825

Осенью 1825 года Тютчев наконец-то получил законный отпуск. Роковой декабрь застал его в Москве. В городском родительском доме. В июле 1826-го были повешены зачинщики «возмущения», а в августе Федор Иванович написал свой знаменитый политический памфлет «14-ое декабря 1825».

Взгляд Тютчева и на само декабрьское восстание, и на декабристов резко отличается от типично либерального, однако и с консервативной точкой зрения не совпадает: он осуждает декабристов не за то, что осмелились поднять меч на помазанника Божия, то бишь царя, а за то, что они, «жертвы безрассудной и недозрелой мысли», не сообразили: ни кровь, пролитая за святое дело, ни жар их любви к несчастной отчизне не смогут растопить «вековую громаду льда» — русский «вечный полюс» общественного холода¹.

¹ Текст, набранный курсивом, принадлежит составителю.

14-ОЕ ДЕКАБРЯ 1825

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.

Не ранее августа 1826

Парные портреты братьев Тютчевых были заказаны родителями неизвестному, видимо, крепостному, художнику осенью 1825 года, когда младший сын после трехлетней разлуки приехал наконец в отпуск и оба брата вновь оказались вместе, под крышей отчего дома.

Братья Тютчевы, несмотря на то, что трудно сыскать двух столь разительно непохожих людей, были невероятно дружны с самого раннего детства, благо разница в возрасте была незначительной. Николай Иванович, пошедший и характером, и внешностью в отца, — практичный, добрый, легкий в быту, относился к семье Федора как если бы это была его собственная семья. Основательный, крайне ответственный, он порой выходил из себя, в сердцах называя брата пустейшим человеком, но быстро успокаивался и снова тянул семейную лямку. К нему, а не к мужу обращались в случае той или иной неотложной хозяйственной нужды и жены Федора Ивановича. Николай Иванович никогда не отказывал невесткам в помощи.

Братья Тютчевы
Николай (вверху)
и Федор.

*Парные портреты
работы неизвестного
художника.*

Ф. И. Тютчев.
Портрет работы неизвестного художника.
<1825 г.>

Н. И. Тютчев.
Портрет работы неизвестного художника.
<Москва, сентябрь —
ноябрь 1825 г.>

CACHE-CACHE¹

Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?
Волшебную близость, как бы благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики не даром лукаво глядят,
Не даром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне слышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?

¹ Игра в прятки (*франц.*). — Ред.

Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

Не позднее 1828

Элеонора Ф. Тютчева, первая жена поэта.
*Портрет работы неизвестного художника (масло).
Мюнхен, середина 1820-х годов.*

Дочери Тютчева от первого брака.
Слева направо: Анна, Дарья, Екатерина.
Рисунок А. Саломе. Мюнхен, 1843 г.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Не позднее 1828

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.

Не позднее 1828

ВИДЕНИЕ

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

1828 — не позднее первой половины 1829

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих;

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак, на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали;

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

Не позднее 1829

УТРО В ГОРАХ

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

*Не позднее 1829
Зальцбург(?)*

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, —
И задымилась гора
С своими черными лесами.
Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи.
И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —
Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

*Не позднее 1829
Зальцбург*

К N.N.

Ты любишь, ты притворствовать умеешь, —
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей —
Ты мне ответ даешь — и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красотой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет: он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с твоих молодых ланит —
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть, в тени, как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

Не позднее 1829

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!

Не позднее 1829

* * *

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

И доносились порой
Все звуки жизни благодатной —
И все в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье;
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам,
И воцарилось молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый, в царство теней.

Не позднее 1829

ВЕЧЕР

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шорох стаи журавлиной, —
И в шуме листьев замер он.

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

Не позднее 1829

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мгlistый,
Лениво катится река,
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

Не позднее 1829

ЛЕБЕДЬ

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одею
Тебя стихией божество.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

1828—1829

Элеонора Тютчева.
Миниатюра И. Шелера, 1830-е годы.

* * *

Ты зрел его в кругу большого света —
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум,
Таков поэт — и ты презрел поэта!

На месяц взглянь: весь день, как
 облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог, —
Настала ночь — и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

Декабрь 1829 — начало 1830

* * *

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече —
Душа моя! о, не вини меня!..

Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный,
Наступит ночь — и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

1829 — начало 1830

* * *

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Не позднее первых месяцев 1830

КОНЬ МОРСКОЙ

О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смирный, ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле;
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К берегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег
И — в брызги разлетишься!..

1830, не ранее марта

* * *

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит, —
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...

Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

*Конец мая 1830,
По дороге из Мюнхена в Россию*

УСПОКОЕНИЕ

Гроза прошла — еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалась,
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.

Июль — август 1830

БЕЗУМИЕ

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, —
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

1830